

Глава 8

Наполовину послушный

Малая обитель Фэнъюй.

Пятый старейшина проводил У Линчаня к низенькому столику в последнем ряду.

В малой обители ещё никогда не было такого взрослого «ребёнка», и для него не успели приготовить новый стол. У Линчань сидел, скрестив ноги, и от малейшего движения его колени подбрасывали столик в воздух. Было очень неудобно.

Остальные ученики с любопытством оборачивались и смотрели на него своими невинными, чистыми глазами.

У Линчаню не было стыдно. Он даже приподнял бровь и пригрозил им:

— Чего уставились? Ещё раз посмотрите — всех съем! Ам!

— У-а-а! — испугались дети и тут же отвернулись.

Пятый старейшина промолчал.

Он сделал вид, что ничего не заметил, и продолжил учить детей писать горизонтальные черты.

У Линчань не знал иероглифов Куньфу, но как писать, он знал. Ему было лень начинать с основ, и он уверенно взял кисть и начал выводить что-то на бумаге.

Пятый старейшина, заложив руки за спину, обошёл учеников и, увидев его творение, хмыкнул:

— Юный господин рисует талисманы?

У Линчань промолчал.

Он скомкал свой иероглиф «Чэнь», отбросил его в сторону и принялся старательно выводить горизонтальные черты.

Через полчаса Пятый старейшина ушёл на отдых. Дети в обители тут же, словно воробьи, сбились в кучки и, уплетая сладости, принялись перешёптываться, поглядывая на У Линчаня.

— Какой большой ребёнок! Он такой высокий!

— Он правда нас съест?

У Линчань, подперев подбородок рукой, окинул их взглядом и поманил пальцем:

— А ну-ка, идите сюда. Дайте мне попробовать ваши сладости.

Воробьи промолчали.

— Я — юный господин, — прищурился У Линчань. — Я — драгоценность.

Дети не знали, кто такой «юный господин», но понимали, что «драгоценность» на сладости не обменяешь.

У Линчань усмехнулся. Он обмакнул кисть в тушь, повертел её между пальцами и одним взмахом нарисовал на бумаге нескольких воробьёв.

Хоть он и был лишь на стадии очищения ци, но способность оживлять нарисованное у него осталась.

Дети, разинув рты, смотрели, как нарисованные птицы вдруг зачирикали, сорвались с бумаги и, расправив крылья, взлетели.

— Вау!

Когда Пятый старейшина вернулся, чтобы продолжить урок, он увидел, как по всей обители летают птицы, стрекозы и бабочки. Ученики были в восторге, а на столе в углу у У Линчаня громоздилась гора сладостей, среди которых было даже несколько золотых слитков.

Пятый старейшина промолчал.

У Линчань, уплетая сладости, продолжал выводить иероглифы.

Он решил написать тысячу красивых и изящных иероглифов «Чэнь», чтобы преподнести братцу огромный сюрприз, а затем вернуться с ядрами демонических зверей.

Когда он разберётся с демонической ци, восстановит золотое ядро и пробудит Мо Бао, он отправится на Великое собрание в Пэнлае, отомстит Мэн Пину, вернётся на вершину Списка гениев и снова будет сиять.

Прекрасный план.

У Линчань с удовольствием писал, как вдруг почувствовал зловещий холод.

Он нахмурился и инстинктивно повертел кисть между пальцами, а затем, зажав её, указал в определённом направлении. Капля туши на кончике кисти не упала, а повисла в воздухе, словно растворяясь в воде.

— ...Юный господин? — спросил Пятый старейшина.

У Линчань присмотрелся и увидел, что кончик кисти указывает прямо в лицо Пятому старейшине. Он вздрогнул, и капля туши, сорвавшись, забрызгала лицо старейшины.

— ...Ой? — У Линчань поспешно опустил кисть. — Старейшина, как вы оказались под моей кистью? Как неосторожно! Если бы у меня в руках был меч, вы бы уже были мертвы.

Пятый старейшина промолчал.

Мало того, что забрызгал, так ещё и обвинил?!

Дети, увидев, во что превратился старейшина, захихикали, как воробьи.

Лицо Пятого старейшины было чёрным от туши, которую никак не удавалось стереть.

Но юный господин, хоть и не имел реальной власти, был не тем, кого он мог наказать. Старейшина с трудом сдержал дрожь в губах:

— Юный господин, эта тушь...

— Тушь Сюаньсяна обычно используется для меток. Обычными средствами её не смыть, — У Линчань бросил на него обнадёживающий взгляд. — Но через три месяца она сама исчезнет. Тогда старейшина снова станет белым.

Пятый старейшина промолчал.

Но даже после ухода Пятого старейшины У Линчань продолжал ощущать на себе чей-то зловещий взгляд.

Он нахмурился и огляделся. В прошлый раз такое чувство у него было вчера вечером во Дворце Даньцзю, когда открылся пространственный разлом и оттуда вместе с демонической ци полезли демонические звери.

У Линчань прищурился.

Все нарисованные птицы в обители вдруг разом защебетали, словно угрожая.

Артефакт божественного ранга, даже с разбитым духом, всё ещё хранил в себе духовную силу. Вскоре ощущение чужого взгляда бесследно исчезло.

У Линчань задумался.

Сюнь Е говорил, что во Дворце Даньцзю есть барьер, и пространственный разлом не должен был появиться. Но в первую же ночь его пребывания там случилась беда. Вспоминая странное поведение тех демонических зверей и полудемонов...

Неужели дело в крови?

Что ж, избранник небес, носитель чистой крови Пустоши Демонов — неудивительно, что на него охотятся. Такова судьба.

У Линчань не считал, что охота за его кровью — повод для паники. Он снова взялся за кисть, чтобы писать иероглиф «Чэнь» и завоевать расположение брата.

Пятый старейшина, с лицом, забрызганным тушью, вероятно, не покажется на людях все три месяца.

В полдень на урок пришёл новый учитель.

У Линчань, прикусив верёвочку на кончике кисти, усердно выводил иероглиф «Чэнь». Услышав радостные крики детей, он поднял голову и удивлённо приподнял бровь.

Новым учителем был Цзян Чжэнлю.

— Старейшина Цзян! Это старейшина Цзян из большой обители!

— Старейшина Цзян пришёл нас учить!

— Значит, мы теперь тоже в большой обители?

Цзян Чжэнлю, в белых одеждах, выглядел изысканно и благородно. Его манеры благородного мужа очень нравились детям, и они смотрели на него с восхищением.

Старейшина Цзян вежливо кивнул.

Учителю, который наставлял гениев из обители Чуфэн, преподавать в малой обители Фэньюй было всё равно что из пушки по воробьям стрелять. Но Цзян Чжэнлю был добр и терпеливо объяснял, как писать горизонтальную черту, чтобы она была ровнее.

У Линчань, склонив голову, писал.

Цзян Чжэнлю подошёл к нему и посмотрел на кривые иероглифы «Чэнь», среди которых то и дело попадались «ин» или «цзе». Уголки его губ слегка дрогнули.

Занятия в малой обители Фэньюй заканчивались в час шэнь.

У Линчань запихнул в рукав оставшиеся на столе сладости, свернул свиток со ста иероглифами «Чэнь» и, вскинув руку, провозгласил:

— Юный господин возвращается домой!

Дети в обители тут же пали ниц и закричали:

— Драгоценный! Почтительно провожаем юного господина, старосту и короля обители!

Цзян Чжэнлю промолчал.

Он усмехнулся и вышел из малой обители Фэньюй.

У Линчань сидел в павильоне во дворе обители и ждал, когда за ним придёт Сюнь Е. Солнце ещё не зашло, но свет был уже не таким ярким. Лучи, пробиваясь сквозь густую листву, ложились на его лицо, делая его похожим на фарфоровую статуэтку, сошедшую с картины.

Цзян Чжэнлю медленно подошёл и с улыбкой спросил:

— Юный господин уже на стадии очищения ци, почему же вы играете с этими детьми в малой обители? Это Владыка Чэнь так распорядился?

...Старейшина Цзян с первого же слова начал искусно сеять раздор.

У Линчань не понял намёка.

— Ты — учитель из обители Чуфэн, почему ты пришёл в малую обитель? Это мой братец тебя

прислал?

Цзян Чжэнлю промолчал.

Он всегда улыбался, и его улыбка была тёплой.

— Я лишь временно заменяю. Сейчас ученики обители Чуфэн охотятся на демонических зверей в горах, и у меня как раз появилось свободное время.

— Демонические звери? — глаза У Линчяня загорелись. — Значит, у них есть демоническая ци?

— Юный господин хочет использовать демоническую ци для повышения своего уровня?

— Нет, я просто хочу посмотреть на ядро, для общего развития.

В глазах Цзян Чжэнлю промелькнул тёмный огонёк.

«Только три дня как вернулся в Куньфу, а уже окольными путями расспрашивает о демонической ци. Какие амбиции».

Цзян Чжэнлю поначалу сомневался, что вчерашние поступки У Линчяня были не случайны, но утром пришла новость, что юный господин каким-то образом добился того, чтобы его поселили в боковом флигеле Террасы Бихань.

За последние десять лет бесчисленные фракции Куньфу испробовали все возможные способы, чтобы подселить своих людей в Террасу Бихань, но никому это не удалось.

А У Линчянь всего за одну ночь открыто поселился в боковом флигеле.

«Юный господин притворяется простачком, но на самом деле он очень хитёр. Какой глубокий замысел».

Что ж.

Государь Цзюйфу и Чэнь Шэ оба были людьми с глубокими замыслами, что уж говорить об У Линчяне.

— Нет, — сказал Цзян Чжэнлю. — Демонические звери в горах академии используются для тренировок учеников. Это не те свирепые твари из Ванлэин, в их ядрах нет демонической ци.

— А-а, — разочарованно протянул У Линчань, но тут же заинтересовался. — А что такое демоническая ци?

— Это — порождение кровавого моря Ванлэин, — словно на лекции, начал объяснять Цзян Чжэнлю. — Звериный прилив был запечатан тысячи лет, но они всё ещё пытаются вырваться. Даже барьер, установленный небесным дао, они умудряются пробить. Всё это благодаря тому, что они развиваются с помощью демонической ци.

Староста обители Фэньюй, проучившийся всего один день, мало что понял.

Какие-то там разломы, какое-то там развитие.

— Если бы демоны-заклинатели Куньфу смогли использовать демоническую ци, — с улыбкой продолжил Цзян Чжэнлю, — мы бы, возможно, давно уже захватили Союз Бессмертных.

Эту фразу У Линчань понял, но удивился:

— Ты всего лишь старейшина, зачем ты об этом думаешь? Это забота моего братца.

Цзян Чжэнлю промолчал.

Его в лицо называли «собакой, которая ловит мышей». Но Цзян Чжэнлю даже не изменился в лице.

— Разве юный господин не хочет поскорее прорваться на стадию возведения основ?

— Что такое «возведение основ»? Я хочу прорваться на стадию зарождающейся души.

— ...Какие амбиции, — Цзян Чжэнлю ещё больше уверился в его честолюбии. Он протянул ему серый серебряный лист. — В этом предмете заключена капля демонической ци, он сравним с формацией для сбора духовной силы. Если юный господин будет носить его с собой, ваше развитие пойдёт быстрее.

У Линчань с удивлением взял лист. Осмотрев его, он понял, что это артефакт всего лишь тёмного ранга, а демоническую ци из него извлечь невозможно.

Бесполезная вещь.

У Линчань небрежно убрал его.

— В последнее время разломов в Ванлэин становится всё больше, — с улыбкой сказал Цзян

Чжэнлю. — Я мог бы достать для вас несколько ядер свирепых зверей...

У Линчань с удивлением посмотрел на него, не веря своим ушам.

«Такой добрый?»

— Однако, — Цзян Чжэнлю, казалось, был в затруднении, — сегодня Владыка Чэнь использовал печать владыки демонов, чтобы запечатать половину Куньфу. Любая демоническая ци, появившись, будет тут же уничтожена. Владыка Чэнь ненавидит демоническую ци, за полдня он уже убил несколько десятков человек. Положение юного господина щекотливое, лучше не связываться с ядрами демонических зверей, чтобы...

Он не договорил, но смысл был ясен.

...Чтобы Владыка Чэнь его тоже не убил.

Любой другой на его месте понял бы намёк Цзян Чжэнлю.

Но У Линчань не понял.

«Что он там наговорил? Кажется, Чэнь Шэ убивает за демоническую ци. И что?»

У Линчань хотел было расспросить подробнее, как рядом раздалась холодная усмешка.

Сюнь Е, неизвестно когда появившийся, стоял, скрестив руки на груди, и с усмешкой смотрел на Цзян Чжэнлю:

— Старейшина Цзян, я слышал, ваш именной артефакт «Лэйхуан» из-за того, что вы тайно собирали демоническую ци, попал в руки Фу Юй. Ваша жизнь теперь в её руках. Вам бы спешить спасти свой артефакт, а не пугать здесь людей.

— Я лишь немного поболтал с юным господином, — равнодушно бросил Цзян Чжэнлю.

— Поболтали? — холодно усмехнулся Сюнь Е. — Может, хотите продолжить беседу на Террасе Бихань, в присутствии Владыки Чэня?

Цзян Чжэнлю не обратил внимания на его провокацию. Он с тёплой улыбкой посмотрел на У Линчаня и с беспокойством сказал:

— Юный господин, будьте осторожны.

— Твоего отца! — рассмеялся Сюнь Е, видя, что тот всё ещё осмеливается сеять раздор.

— Осторожен в чём? — с недоумением спросил У Линчань.

Цзян Чжэнлю промолчал.

Сюнь Е промолчал.

Ха.

Сюнь Е с облегчением убрал меч.

Цзян Чжэнлю многозначительно посмотрел на притворяющегося дурачком У Линчаня, поклонился и ушёл.

Сюнь Е с мрачным лицом подошёл и, положив руку на плечо У Линчаня, холодно спросил:

— Что он тебе ещё сказал?

— Ты заставил юного господина ждать, да ещё и говоришь таким тоном, — возразил У Линчань.

— Ты что, и с моим братцем так же разговариваешь?

Сюнь Е промолчал.

— Он нехороший человек, — пригрозил Сюнь Е. — Эта старая лиса обведёт тебя вокруг пальца так, что и костей не соберёшь.

— Я не лиса! — возмутился У Линчань. — Ещё раз обзовёшься — расскажу братцу!

Сюнь Е промолчал.

Ладно, Цзян Чжэнлю говорил так витиевато, что этот юный господин, скорее всего, ничего не понял.

Сюнь Е снова успокоился, призвал гигантского коршуна и усадил на него драгоценного юного господина.

У Линчань был вспыльчив, но и отходчив. Он быстро простил Сюнь Е его дерзость.

Он сидел, скрестив ноги, на самых мягких перьях на спине гигантского коршуна. Его тёмные, как тушь, волосы развевались на ветру, словно грозовые тучи.

— Мой братец уже дома?

— Да, уже на Террасе Бихань.

У Линчань тут же повеселел.

Вернувшись на Террасу Бихань, он не сразу пошёл к Чэнь Шэ, а сначала вернулся в боковой флигель, сменил уродливую одежду и достал из своего артефакта любимый алый халат, расшитый золотыми клёнами.

Украшения на волосах и поясе звенели при каждом движении. Накинув накидку, он стал похож на огненную лису.

У Линчань долго рылся в пространстве Сюаньсяна, пытаясь найти ещё что-нибудь красивое, чтобы надеть на голову, но он и так уже весь звенел, поэтому оставил эту затею.

Собираясь уже убрать своё сознание, он увидел серебряный лист, подаренный Цзян Чжэнлю.

Артефакт тёмного ранга, да ещё и уродливый.

У Линчань был не очень искушён в человеческих отношениях и плохо знал язык Куньфу, но он был не пятилетним ребёнком. Он уже догадался, что Цзян Чжэнлю, скорее всего, не был на стороне его братца.

Иначе почему Сюнь Е был так враждебно к нему настроен?

У Линчань хмыкнул, подумал и, взяв серебряный лист, бросил его в море сознания Сюаньсяна.

Дух Сюаньсяна был разбит, и он инстинктивно поглощал всё, что обладало духовной силой. Чернильные следы, превратившись в острые когти, схватили серебряный лист, в несколько мгновений раздробили его в порошок и проглотили.

— А-а-а!

Неизвестно, показалось ли У Линчаню, но, когда Сюаньсян жевал серебряный лист, он как будто слышал пронзительный вопль, который, впрочем, тут же оборвался.

Что за странный звук?

Ладно, неважно.

Зато в пространстве Сюаньсяна больше не было уродливых вещей.

Убедившись, что он очень красив, У Линчань припрыжку побежал в главный зал.

***

Терраса Бихань.

Чэнь Шэ сидел за нефритовым столом. Полы его тёмно-синего халата расстилались вокруг. Он небрежно поставил на доску для игры в го камень.

Вскоре снаружи слышались знакомые шаги.

— Братец, братец, братец!

Чэнь Шэ поставил камень и, не став больше запираеть дверь, взмахом руки открыл её.

Вся Терраса Бихань, словно вырезанная из нефрита, сияла на фоне ледяного пейзажа, как прозрачная льдина.

Огненно-красная тень вихрем ворвалась внутрь, словно прорвавшись сквозь ледяную стужу, и в мгновение ока оказалась рядом с Чэнь Шэ.

Рука Чэнь Шэ, державшая камень, замерла.

У Линчань, раскрасневшись от бега, радостно поднял стопку бумаги:

— Братец, братец, братец! Я сегодня целый день писал иероглифы! Только что посчитал — ровно сто, не меньше!

— М-м, положи, — Чэнь Шэ не выказал особого интереса.

У Линчань, хоть и был остужен холодной водой, не разочаровался. Он с надеждой посмотрел на него:

— Братец, не проверишь? Я целый день писал, больше никогда не перепутаю имя братца.

Чэнь Шэ взял стопку бумаги и принялся перелистывать.

Когда он дошёл до последнего листа, У Линчань тут же спросил:

— Братец, я послушный?

— Из ста иероглифов «Чэнь» сорок девять написаны правильно. Остальные — либо «ин», либо «цзе», — равнодушно ответил Чэнь Шэ. — Неплохо. С натяжкой можно считать, что ты вёл себя... наполовину послушно.

У Линчань промолчал.

— Т-тогда в следующий раз я буду стараться, — выдавил из себя У Линчань.

Наполовину послушный — тоже послушный.

У Линчань скосил глаза и чуть не вытаращил их.

На столе на Террасе Бихань лежала куча всякой всячины. Самым заметным был ларец с иероглифом «Фу», доверху наполненный окровавленными ядрами демонических зверей. Казалось, их только что вырвали.

Над ядрами витала демоническая ци.

Чэнь Шэ медленно поднялся.

У Линчань отвёл взгляд и с ещё большим усердием подскочил и схватил Чэнь Шэ за руку:

— Братец, позволь мне помочь тебе, драгоценному!

Чэнь Шэ замер.

Стоявший рядом Сюнь Е чуть не подпрыгнул от ужаса.

Чэнь Шэ ненавидел, когда к нему прикасались. Даже на расстоянии полужана от него отбрасывало невидимым порывом ветра. Неужели У Линчань не боялся, что Владыка Чэнь одним взмахом рукава отправит его хрупкое тельце за тысячу ли?

Чэнь Шэ опустил голову и «взглянул» на У Линчаня.

— Даже если будешь так лебезить, в академию Сычжо попадешь, только когда напишешь тысячу иероглифов в малой обители Фэньюй, — равнодушно сказал он.

— ? — Сюнь Е был в недоумении.

Он его не оттолкнул?!

— Щебетание, щебетание, клянусь демоническими богами! — возмутился У Линчань, выпучив глаза. — Моя любовь к братцу идёт от самого сердца, у меня нет никаких корыстных мотивов!

— М-м, абсолютно никаких корыстных мотивов, — кивнул Чэнь Шэ. — Ничего не хочешь.

Но У Линчань всё ещё хотел ядро. Он тут же забыл о своей обиде и радостно затараторил:

— Хочу, хочу! Хочу! Братец, дашь?

— Разве ты не говорил, что у тебя нет корыстных мотивов? — усмехнулся Чэнь Шэ, видя, как У Линчань готов прилипнуть к нему.

— Хочу быть с братцем ещё ближе, — с важным видом заявил У Линчань. — Корыстный мотив только один.

— Раз так, — с улыбкой сказал Чэнь Шэ, — когда попадешь в обитель Чуфэн, братец даст тебе то, что ты хочешь.

У Линчань промолчал.

Это же когда ещё будет?!

У Линчань с недоверием посмотрел на него, а затем, не сдаваясь, обошёл вокруг него несколько раз.

Динь-динь-дон.

Неужели он некрасивый?

— Ещё что-то? — мягко спросил слепой Чэнь Шэ.

У Линчань промолчал.

Какое жестокое сердце.

— Н-нет, — У Линчань, не теряя надежды, спросил ещё раз. — А сегодня вечером я могу остаться у братца?

— Сегодня вечером мне нужно уйти, — с улыбкой ответил Чэнь Шэ.

У Линчаня снова вежливо отказали. Он уже было нахмурился, как вдруг его осенило. Он бросил взгляд на ядра на столе, и уголки его губ поползли вверх.

Если Чэнь Шэ не будет в главном зале, значит, он сможет тайно пробраться внутрь.

У Линчань тут же сменил уныние на радость и вскочил:

— О!

Бросив «Братец, будь осторожен», он вихрем выбежал.

Когда алая тень исчезла, Терраса Бихань снова погрузилась в ледяную тишину.

Чэнь Шэ расправил смятый рукав и спросил:

— Что сегодня ему говорил Цзян Чжэнлю?

Сюнь Е пересказал всё, что слышал:

— Многого не слышал, знаю только, что они мило беседовали.

— Цзян Чжэнлю подарил ему артефакт? — спросил Чэнь Шэ.

— Да, в виде серебряного листа, не очень высокого ранга.

Чэнь Шэ замер, а затем усмехнулся.

— У Цзян Чжэнлю много артефактов. Один, в виде серебряного листа, хоть и не обладает большой атакующей силой, но способен телепортировать на триста ли.

Сюнь Е был поражён.

Телепортировать?

Неудивительно, что, когда в Ванлэин появлялся разлом, Цзян Чжэнлю каждый раз умудрялся, окружённый демоническими зверями, успешно похитить демоническую ци и уйти.

— Он его взял? — спросил Чэнь Шэ.

— ...Взял, — с мрачным лицом ответил Сюнь Е.

Щёлк.

Камень для игры в го, упав на доску, в мгновение ока рассыпался в пыль.

Сюнь Е мысленно проклял себя за то, что позволил У Линчаню своей глупостью усыпить его бдительность.

На столе, рядом с ларцом с ядрами демонических зверей, лежал именной артефакт Цзян Чжэнлю, завёрнутый в несколько талисманов.

Неудивительно, что У Линчань всё время косился на стол!

<http://bllate.org/book/16997/1582164>